

Маня Москвина

*Тайны
прошлого*

18+

Маня Москвина

Тайны прошлого

«Автор»

2026

Москвина М.

Тайны прошлого / М. Москвина — «Автор», 2026

Артём жил обычной жизнью, пока однажды прошлое не ворвалось в его мир. Девять лет тайн, лжи и недомолвок рушатся в одно мгновение: отец раскрывает правду о событиях, о которых он даже не подозревал, о людях, которых считал близкими, и о тех, кто формировал его судьбу. История семьи — это не только любовь и забота, но и ошибки, жестокие решения и тайны, способные изменить всё. Артём сталкивается с выбором: принять правду и отпустить прошлое или позволить ему управлять настоящим. Вместе с друзьями, с Линой, чья жизнь тоже скрывает неожиданные повороты, он ищет путь к пониманию, прощению и внутренней гармонии. Но сможет ли он простить, когда тайны прошлого обжигают сильнее, чем сама жизнь? Психологическая драма с детективным оттенком о том, как семья, доверие и правда переплетаются в один сложный клубок, и как иногда нужно потерять многое, чтобы найти себя.

© Москвина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Маня Москвина

Тайны прошлого

Пролог

Я понял, что зря согласился, еще до того, как мы вошли внутрь.

Дом стоял слишком спокойно. Не заброшенным – именно спокойным. Словно знал, что мы придём, и теперь просто ждал. Лина остановилась у крыльца, подняла взгляд на окна и едва заметно нахмурилась.

– Он выглядит... не таким, как я ожидала, – негромко сказала Лина.

– Потому что ты ожидала развалины, – ответил я. – А это просто дом.

Я соврал. И она это почувствовала.

Я толкнул дверь. Она открылась без усилия, даже без скрипа, и это насторожило больше всего. Внутри было темно и неожиданно холодно.

– Странно – тихо сказала Лина, входя следом. – На улице же тепло.

Я захлопнул дверь. Звук получился глухим, будто дом проглотил его.

– Ты так и не сказала, зачем мы здесь – бросил я, проходя вперёд.

Лина включила фонарик и медленно повела светом по стенам, полу, лестнице. Она была сосредоточенной, собранной – такой я видел её редко.

– Мне кажется, здесь есть ответы – Лина мельком глянула в мою сторону – И ты это знаешь.

– Я знаю только одно – резко ответил я. – Моя семья уехала отсюда не просто так.

Она посмотрела на меня, но не отступила.

– Именно поэтому я и хотела сюда прийти.

Я сжал челюсть. Злость поднималась быстро, почти автоматически. Этот дом был не просто местом. Это было то, от чего я бежал половину жизни.

– Ты играешь не со своими тайнами, Лина.

– А если они уже давно не только твои? – тихо спросила она.

Мы пошли дальше. Полы не скрипели так, как должны были. В доме было слишком... ухоженно. Ни толстого слоя пыли, ни ощущения запустения. Будто кто-то приходил сюда. Регулярно.

– Здесь кто-то бывает – сказала Лина, будто подтверждая мои мысли.

– Нет – отрезал я. – Этого не может быть.

– Тогда почему здесь так чисто?

Я не знал, что ответить. Дом и правда выглядел чистым, аккуратным, ухоженным, будто здесь каждый день кто-то проводит генеральную уборку. Как когда-то делала мама, для неё всегда была важна чистота. За всё время я единственный раз видел грязные полы дома, немытую посуду, ощущение грязи в доме. Это было в самый страшный период моей жизни, когда она ушла.

Моя мать умерла, когда мне было одиннадцать. Или исчезла. Или... отец никогда не говорил точно. Она просто не вернулась с работы. А утром мне сказали, что её больше нет. Через месяц мы уехали. Дом остался. Пустой. Закрытый. Забытый.

По крайней мере, так я думал.

Мы поднялись на второй этаж. Лина шла впереди, и мне это не нравилось. Не нравилось, как узко становилось в груди, когда она исчезала за поворотом. Я ловил себя на том, что всё время держусь слишком близко.

– Ты злишься – сказала она, не оборачиваясь.

– Потому что ты тащишь меня туда, куда я никогда не хотел возвращаться.

Она остановилась и повернулась.

– Ты правда думаешь, что я сделала это назло?

Я посмотрел на неё. Маленькая, хрупкая, упрямая. И вдруг понял — если с ней что-то случится, я себе этого не прощу.

Мы проверили комнаты одну за другой. Мою старую спальню. Кабинет отца. Комнату матери. Там было особенно тихо.

– Здесь тяжело дышать – заметила Лина.

Я почувствовал это раньше неё.

– Нам пора – сказал я.

– Подожди – она сделала шаг внутрь. – Еще минуту.

И именно тогда я понял.

Дом не пугал. Он не угрожал. Он не хотел, чтобы мы уходили.

Это было чувство, которое невозможно объяснить логикой. Не страх – сопротивление. Как будто само пространство стало плотнее. Тяжелее.

– Лина – сказал я жёстко. – Сейчас же.

Она обернулась, удивленная моим тоном.

– Что случилось?

Я не успел ответить.

Где-то внизу хлопнула дверь.

Не резко. Не громко. Просто – как если бы кто-то аккуратно закрыл её, чтобы мы не услышали.

Лина побледнела.

– Артём... мы же её закрывали?

Я уже шел к лестнице, чувствуя, как внутри поднимается холодное, ясное понимание.

Мы здесь не гости. И этот дом не готов нас отпустить. А Лина всё ещё не понимала, во что именно мы только что ввязались.

И хуже всего было то, что... всё это началось с обычной случайности.

Глава 1

Я шла по пустой улице, где июньское солнце уже клонилось к закату. Легкий ветер трепал волосы, а в воздухе чувствовалась свежесть летнего вечера. Иногда мне казалось, что город замедляется вместе со мной: редкие прохожие спешили куда-то, а я просто шла, слушая собственное дыхание и мягкий шум своих шагов по асфальту.

Дома было тихо. Мама в очередной командировке, как всегда оставляя меня и отца вдвоём. Отец всегда был занят работой и больше интересовался моими успехами в учебе, чем моим внутренним состоянием. Я бросила сумку на стул и прошла в свою комнату. На полках лежали книги, тетради с заметками и старые рассказы – маленькие кусочки моего мира, которых никто, кроме меня, не видел.

Я присела на кровать и позволила себе на минуту забыть обо всём. В комнате пахло летом: открытое окно пропускало лёгкий ветер, а занавески колыхались, будто пытаясь заговорить со мной на своём языке.

Через несколько минут раздался лёгкий стук в дверь.

– Лина, ужин через двадцать минут – сказал отец, заглянув в комнату. Его голос был ровным, без эмоций, но я знала: он следит за мной, пусть и не показывает это открыто.

– Поняла – ответила я и вернулась к своим мыслям.

Вечер я провела за книгой, но мысли часто улетали далеко от страниц. Учёба, экзамены, планы на лето, мелкие проблемы – всё это крутилось в голове, пока я не поняла, что всё привычное уже кажется каким-то странно зыбким.

На следующий день я вышла из дома чуть раньше обычного, чтобы прогуляться и подумать обо всём. На углу встретила Ангелину. Её длинные чёрные волосы развевались на ветру, а улыбка была такой яркой, что ее невозможно было не заметить.

– Лина! – она подбежала, словно хотела догнать меня в этой маленькой утренней суете. – Ты не поверишь, что я вчера заметила на факультете!

– Что? – спросила я, улыбаясь. Я была рада видеть подругу, она была как луч солнца среди пасмурного неба. Я никогда ранее не встречала настолько светлых людей.

– Новый студент! – ответила она с явным восторгом. – Он высокий, с темными волосами, стоит один, весь такой... особенный.

Я кивнула. Да, я его видела. На входе в корпус, он держал папку с документами в руках и спокойно смотрел на двери главного корпуса, словно наблюдал за всем происходящим, но не вмешивался. Его взгляд был ровный, сосредоточенный, и в нём было что-то странно знакомое и одновременно непостижимое.

– Он как будто весь мир вокруг держит в своих руках. – сказала я, почти про себя.

– Именно! – засмеялась Ангелина. – Я это сразу заметила.

Мы вместе шли к корпусу, смеясь, обсуждая лекции, экзамены, планы на лето. Но я не могла перестать думать о нём. До первой пары оставалось несколько минут, мы с Ангелиной спешили в аудиторию, смеялись до боли в животе пока Ангелина рассказывала про то как неудачно вчера сходила в туалет. Мы уже были практически в кабинете когда я заметила его взгляд на себе, он стоял у окна и смотрел прямо на меня, наши взгляды встретились на несколько секунд, но мне казалось, что он смотрит на меня подозрительно долго.

На первой паре я села у окна и пыталась сосредоточиться на лекции. Но мысли всё время возвращались к нему. Он сидел на самом дальнем ряду, неподвижный, почти незаметный, но его присутствие притягивало взгляд. Кажется, он был полностью погружен в то, что происходило вокруг, но при этом – каким-то образом – заметил меня.

Когда пара закончилась, Ангелина подмигнула.

– Лина, не делай вид, что тебе всё равно. Он тебя заметил.

Я хотела возразить, но не смогла. Она была права. И это чувство – лёгкая тревога, смешанная с интересом – будто пробежало по всему телу.

– Ладно – сказала я тихо – возможно, это просто совпадение.

Но внутри я уже знала: что-то начинает меняться. Я не знала как и когда, но этот день, обычный летний день, уже никогда не будет прежним.

Я сразу понял, что это не моё место.

Университет встречал меня шумом, разговорами, смехом и ощущением, что каждый здесь знает, зачем пришел. Все, кроме меня. Я стоял у входа в корпус, держа в руке папку с документами, и думал о том, что если бы у меня был выбор, я бы сейчас находился где угодно – только не здесь.

Но выбор – вещь условная, когда у тебя такой отец.

– Исторический факультет – это основа – сказал он тогда. – Ты должен понимать, откуда всё началось.

Он всегда говорил так, будто обсуждает сделку, а не мою жизнь. Я не спорил. Спорить с ним было бесполезно.

Я прошёл внутрь, медленно поднимаясь по лестнице. Коридоры были светлыми, слишком открытыми, словно ничего не скрывали. Мне это не нравилось. Я привык к тишине, к пространству, где можно не объяснять, кто ты и зачем здесь.

Я остановился у окна, достал телефон, проверил время. До первой пары оставалось десять минут. Люди проходили мимо – кто-то смеялся, кто-то обсуждал экзамены, кто-то говорил слишком громко. Я смотрел сквозь них, не запоминая лиц.

И тогда я увидел её.

Она шла по коридору рядом с подругой, что-то рассказывая и улыбаясь. Ничего показного, ничего вызывающего. Просто шла – спокойно, уверенно, будто это место было для нее привычным и понятным.

Невысокая. Хрупкая. Каштановый, чуть растрепанные волосы. Она держала сумку на плече и слегка наклонялась вперёд, когда смеялась, будто боялась занять слишком много пространства.

Я поймал себя на том, что смотрю дольше, чем нужно.

Она не была из тех, кто сразу бросается в глаза. Но именно поэтому взгляд цеплялся за неё снова и снова. В ней было что-то настоящее. Не сыгранное. Не показное.

В какой-то момент она подняла глаза. Наши взгляды встретились. Всего на секунду. Но этого хватило.

Она замерла, будто не ожидала, что кто-то смотрит. Я не отвел взгляд сразу – не потому что хотел, а потому что не успел. Потом всё-таки отвернулся, сжав челюсть.

Отлично, Ратников. Отличное начало.

Я прошел в аудиторию и сел в самый дальний ряд. Привычка. Так легче наблюдать и не участвовать. Она вошла через несколько минут – теперь я видел её ближе. Она села у окна, достала тетрадь, аккуратно разложила ручки.

Слишком аккуратно для человека, которому всё равно.

Я заметил, как она иногда смотрит в мою сторону – будто не специально, будто проверяет, не показалось ли ей тогда, в коридоре. Я делал вид, что не замечаю. Но замечал всё.

Каждое её движение. То, как она хмурится, слушая преподавателя. То, как кусает губу, когда записывает что-то важное. То, как откидывает прядь волос за ухо.

Меня не должны интересовать люди в этом месте, я не собираюсь здесь задерживаться.

— Ты новенький? — спросил кто-то рядом после пары.

Я кивнул, не вдаваясь в разговор.

Когда я вышел в коридор, она стояла у лестницы с подругой. Та говорила громко, смеялась, привлекала внимание. Она – нет. Она просто слушала.

И снова поймала мой взгляд.

На этот раз она не отвела глаза сразу.

Я видел в её взгляде не флирт. Не интерес. Скорее – осторожность. Как будто она чувствовала, что я здесь не просто так. Как будто инстинктивно понимала: со мной что-то не так.

Ты права, — подумал я. — *Не так.*

Я прошёл мимо, чувствуя её взгляд спиной. Злость на отца, на этот университет, на этот факультет смешалась с чем-то новым – странным, тихим, опасным.

Я не хотел здесь быть. Я не хотел ни с кем знакомиться. И уж точно не хотел, чтобы кто-то вроде неё начинал занимать мои мысли.

Но это уже произошло. И тогда я ещё не знал, что именно с этого взгляда всё и началось. Со случайности, которая никогда не бывает случайной.

Глава 2

К последней паре я была выжата, как лимон.

История России – предмет нужный, полезный, но именно сегодня он казался бесконечным. Аудитория была душной, окна открыты настежь, но это не спасало. Кто-то лениво листал тетради, кто-то откровенно смотрел в телефон, не особо скрываясь. Я сидела у окна, упиравшись лбом в прохладное стекло, и считала минуты до конца.

Дом. Тишина. Кровать. Эта мысль держала меня на плаву. Преподаватель говорил размеренно, с той особой интонацией, которая усыпляет даже самых старательных. Я честно пыталась слушать, но слова сливались в один монотонный поток.

– ...а теперь перейдём к зачетам – сказал он, перелистывая журнал.

Я внутренне напряглась.

– Ратников Артём.

Я машинально посмотрела в конец аудитории. Он сидел так же, как и утром – спокойно, чуть откинувшись на спинку стула, будто всё происходящее его не особенно касалось.

– Вы перевелись к нам в конце семестра – продолжил преподаватель. – Поэтому предлагаю следующий вариант: реферат по теме, которую я вам дам, и зачет будет поставлен.

Артём кивнул. Просто кивнул. Ни вопроса, ни попытки уточнить.

По аудитории прокатился недовольный шепот.

– Это что, всё? – возмущенно прошептала девушка с первого ряда, не особо заботясь о тоне. – Нам тут полсеместра нервы трепали, а ему реферат?

– Тише – резко сказал преподаватель, подняв глаза. – Если вас что-то не устраивает, можете обсудить это после пары. Продолжаем.

Шепот стих, но напряжение осталось.

Он снова уткнулся в журнал.

– Волкова Лина.

Я выпрямилась.

– Вы у нас, если не ошибаюсь, в начале семестра пропускали достаточно много занятий, – сказал он, глядя поверх очков. – В чём была причина?

Внутри неприятно кольнуло.

Причина?

Я болела. Правда. А потом... потом просто не хотелось сидеть на этих бесконечных лекциях, ведь всё можно было прочитать в учебнике.

– Я... болела – начала я осторожно. – И потом были семейные обстоятельства.

Он задумчиво постучал ручкой по столу.

– Понимаю. В таком случае, если хотите повысить итоговый балл, можете также подготовить реферат. Отдельно от Ратникова.

Я кивнула. Меня смутило, почему он уточнил тот факт, что реферат я должна делать отдельно от Ратникова, будто я сама этого не понимаю.

– Спасибо.

Пара наконец закончилась. Аудитория зашевелилась, зашумела, будто все одновременно выдохнули. Я собрала вещи и направилась к кафедре – нужно было узнать тему.

К моему удивлению, Артём уже стоял там.

Мы молчали. Между нами повисла странная пауза – не неловкая, а напряженная, будто оба ждали, кто первым сделает шаг.

Преподаватель в этот момент говорил по телефону, жестом показывая, чтобы мы подождали.

Я украдкой посмотрела на Артёма. Он стоял, засунув руки в карманы, глядя куда-то в сторону. Ни тени интереса, ни малейшего желания вступить в разговор.

Но молчать было странно. Именно поэтому я решила нарушить эту тишину первой.

– Слушай – тихо сказала я – можно вопрос?

Он повернулся. Его взгляд был холодным, внимательным и каким-то закрытым.

– Зачем ты так на меня смотрел сегодня? – спросила я прямо. – В коридоре. На паре.

Несколько секунд он молчал, будто взвешивал, стоит ли вообще отвечать.

– Тебе показалось – сказал он наконец сухо.

– Нет – возразила я. – Не показалось.

Он усмехнулся – коротко, почти незаметно.

– Я не ищу знакомств – сказал он. – И не люблю, когда ко мне лезут с вопросами.

Это было... грубо.

Я растерялась.

– Я просто хотела

– Не стоит – перебил он. Его голос звучал довольно грубо, этим он давал понять, что не собирается со мной разговаривать.

В этот момент преподаватель закончил разговор.

– Ратников – сказал он – ваша тема: «Социальные противоречия в послевоенный период». Срок – две недели.

– Понял – ответил Артём.

Он развернулся и ушёл, даже не взглянув на меня. Только на выходе, на секунду, бросил короткий взгляд – будто проверил, стою ли я ещё там.

Преподаватель посмотрел на меня.

– Волкова, ваша тема: «Интеллигенция и власть в XX веке».

– Спасибо – сказала я автоматически.

Выйдя из корпуса, я сразу заметила Ангелину. Она сидела на лавочке у парка, закинув ногу на ногу и что-то печатая в телефоне.

– Ну? – спросила она, как только я подошла. – По лицу вижу – день удался.

– Ты не представляешь – выдохнула я, садясь рядом. – Этот новенький... Ратников. Он невозможный.

– О-о – оживилась она. – Подробности.

Мы пошли по дорожке вдоль парка, и я рассказывала ей всё – от его взгляда до того, как он оборвал меня у кафедры.

– Он разговаривает так, будто я ему что-то должна – возмущалась я. – Даже не попытался быть вежливым.

– Может, он просто замкнутый – пожала плечами Ангелина. – Или проблемный.

– Это не оправдание – сказала я. – Никто не давал ему права быть таким холодным.

Но, как бы я ни злилась, где-то глубоко внутри оставалось ощущение, что дело не только в грубости. Будто за этим поведением скрывалось что-то ещё.

И это раздражало больше всего.

Я шла домой, думая о реферате, об экзаменах, о лете... Но снова и снова в голове всплывал его взгляд – спокойный, тяжёлый, будто он видел меня чуть глубже, чем позволено.

И мне это совсем не нравилось.

Я вернулась домой ближе к вечеру.

Квартира встретила привычной тишиной — отец ещё не вернулся, мама, как всегда, была в командировке. Я бросила сумку в прихожей, разулась и прошла в свою комнату. Окно было открыто, тёплый воздух лениво двигал занавески. Казалось, что день наконец-то отпускает.

Я не стала откладывать. Переделалась, включила настольную лампу и открыла ноутбук. Реферат сам себя не напишет – особенно если речь идёт о преподавателе, который любит формальности и точность. Я знала его требования почти наизусть: объем, структура, список литературы, шрифт. Всё должно быть идеально.

Я открыла пустой документ и набрала название темы.

«Интеллигенция и власть в XX веке».

Пальцы замерли над клавиатурой. Мысли не сразу сложились в текст. Вместо этого в голову снова полез Артём. Его голос. Холодный тон. Взгляд, который невозможно было понять.

Не надо думать о нем – одернула я себя и начала печатать вступление.

Минут через двадцать телефон завибрировал.

Я раздраженно посмотрела на экран, уверенная, что это Ангелина. Но имя заставило меня замереть.

Артём Ратников.

Я нахмурилась. Откуда у него мой номер? Впрочем, это было очевидно – общий чат группы. Я несколько секунд колебалась, но всё же ответила.

– Алло?

– Привет, – сказал он без предисловий. Голос был ровным, деловым. – Скажи, пожалуйста, какой объём обычно требует этот преподаватель?

Ни извини, ни если не сложно. Просто вопрос. Я выдохнула.

– Обычно от пятнадцати до двадцати страниц, – ответила я. – Без воды. Он очень...

Связь оборвалась. Я медленно убрала телефон от уха и посмотрела на погасший экран.

– Серьёзно?.. – прошептала я в пустоту.

Он даже не сказал «спасибо».

В груди неприятно кольнуло. Не обида – скорее раздражение, смешанное с недоумением. Я сидела, глядя на телефон, будто он мог дать мне объяснение.

Вот ведь...

Я отложила его в сторону и вернулась к ноутбуку. Но строки теперь шли хуже. Мысли путались, а каждое предложение приходилось перечитывать по два раза.

Почему он вообще позвонил? Почему так разговаривает? И почему меня это задевает?

Я закрыла глаза и медленно выдохнула.

Лина, успокойся. Это просто человек с факультета. Не более.

Но внутри уже было ясно: он ворвался в мою жизнь так же резко, как сбросил звонок. И, к сожалению, не собирался исчезать так же быстро.

Я снова посмотрела на экран ноутбука и продолжила писать, решив, что лучший способ выбросить его из головы – занять себя делом.

Глава 3

Ночь была не просто тёмной – она была глухой. Такая, когда город будто выключили, оставив только редкие фонари и ощущение, что ты здесь лишний. Я шёл по тротуару, засунув руки в карманы толстовки, и слушал, как мои шаги слишком громко отдаются в пустоте, будто каждый звук отражался от стен домов и ударял прямо в сердце.

Я посмотрел на телефон.

01:21.

Хотя по ощущениям – далеко за три. В голове копились мысли, словно камни в рюкзаке, который я никогда не снимал.

Подъезд показался впереди темным прямоугольником. Я остановился, набрал номер Максима и приложил телефон к уху.

– Я уже выхожу! – заорал он, даже не дав мне сказать ни слова.

Гудки.

Я хмыкнул и убрал телефон, чувствуя лёгкое раздражение на сам себя. Перед подъездом была низкая оградка с клумбами. Цветы выглядели странно ухоженными для этого двора – кто-то явно за ними следил. Я присел на заборчик, почувствовав холод металла сквозь джинсы, и уставился в асфальт.

Мысли, как назло, полезли в голову. Факультет. Отец. Две недели, которые надо просто пережить. И она.

Я поморщился. Не хотелось думать о Лине, но мысли всё равно возвращались. Её спокойный голос по телефону, пауза перед тем, как она начала объяснять, и то, как я сбросил вызов, не сказав ни слова.

Идиот, – мелькнуло в голове.

Я поднял взгляд и заметил машину, припаркованную у края улицы. Чёрная, дорогая, слишком чистая. Такие машины здесь либо не задерживаются, либо означают проблемы. А в голове мелькнула мысль: «Может, это знак, что ночь будет длинной».

Из подъезда хлопнула дверь, и на улицу почти выбежал Максим. Он на ходу натягивал капюшон, чуть не споткнулся о ступеньку и выругался.

– Ты хуже бабы, брат, – сказал я, вставая. – Вечно опаздываешь.

– Зато ты меня дождался, – усмехнулся он. – Значит, не зря живу.

Мы двинулись вперёд, плечом к плечу. Максим говорил много – как всегда. Я слушал вполуха. Но в голове постоянно крутились обрывки воспоминаний: детские игры во дворе, наши бессмысленные ссоры, как он когда-то спас меня от драки на улице...

– Ну, рассказывай, студент, – начал он. – Как тебе учёба?

– Никак.

– Привыкаешь?

– Нет.

Он рассмеялся. Его смех всегда звучал так, будто мог разогнать любой мрак.

– Слышал, ты на историю перевёлся.

– Перевели, – поправил я, стараясь не показывать, как сильно меня это напрягает.

– Серьёзно будешь там учиться?

– Отец считает, что да, – ответил я. – Я надеюсь свалить оттуда, как только закончится семестр.

– И смысл учиться две недели? – не понял Максим.

Я не ответил. Иногда молчание – самый честный вариант.

Мы свернули с освещённой улицы и вышли к небольшому одноэтажному зданию. Старое, серое, с облупившейся краской и узкими окнами. Такие строили ещё при Союзе – без излишеств и без желания, чтобы внутри было уютно.

Я замедлил шаг. Воздух здесь был другим. Гуще. Тяжелее. Казалось, каждый вдох отдаётся тяжёлым эхом внутри груди.

– Вот оно, – сказал Максим, будто мы пришли в обычный магазин.

Я посмотрел на здание и поймал себя на мысли, что именно с таких мест начинаются истории, которые потом невозможно забыть. И чаще всего – невозможно исправить.

Я сделал шаг вперёд, ещё не зная, что именно эта ночь задержится со мной надолго.

Я остановился у входа. Дверь была металлическая, выкрашенная в тускло-серый цвет, с облупившейся краской по краям. Никакой вывески. Никаких табличек. Только старый домофон, который, судя по виду, давно не работал.

– Ты чего? – спросил Максим, заметив, что я замешкался.

– Ничего, – ответил я и дёрнул дверь.

Она открылась неожиданно легко.

Внутри пахло пылью и чем-то старым – не плесенью, а именно временем. Как будто здесь давно не делали ремонт, но место при этом продолжали использовать. Свет горел только в конце коридора, длинного и узкого, с потрескавшимися стенами.

– Напоминает какой-то участок, – хмыкнул Максим. – Только без ментов.

– Или с ними, – пробормотал я.

Мы прошли дальше. Наши шаги эхом отдавались от стен, и каждый звук казался громче, чем должен быть. Я вспомнил, как в детстве ходил по таким коридорам в чужих домах и всегда испытывал лёгкое жуткое возбуждение, смешанное с опаской.

В конце коридора была дверь. За ней – кабинет.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти. Седина на висках, аккуратная рубашка, спокойный взгляд. Он посмотрел на нас так, будто ждал.

– Ратников, – сказал он не спрашивая.

Я замер.

– Откуда вы знаете мою фамилию?

Он чуть улыбнулся.

– Здесь знают больше, чем говорят.

Максим напрягся.

– Мы вообще-то по делу, – сказал он. – Нам сказали...

– Я знаю, зачем вы пришли, – перебил мужчину. – И знаю, кто вас привел.

Он перевёл взгляд на меня.

– Точнее, что вас привело.

Мне это не понравилось. Складывалось впечатление, что нас разыгрывают. Зачем мы только пошли сюда?

– Если это какая-то шутка, – сказал я холодно, – мы уходим.

– Вы можете уйти в любой момент, – спокойно ответил он. – Но тогда вам придётся жить дальше с вопросами.

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

– Какими вопросами?

Он достал из ящика стола папку. Старую, потёртую. Положил передо мной и медленно открыл.

Фотография. Дом. Мой дом. Тот самый. Старый. Тот, в который я не возвращался девять лет.

– Откуда у вас это? – спросил я, уже не скрывая напряжения.

– Потому что некоторые места не отпускают, – ответил он. – И некоторые смерти... тоже.

Максим резко выпрямился.

– Эй, – сказал он, – это уже перебор.

Мужчина посмотрел на него, потом снова на меня.

– Ваша мать не умерла случайно, Артём.

Слова прозвучали тихо. Почти буднично. Но они ударили сильнее любого крика.

– Вы ничего не знаете, – сказал я, чувствуя, как внутри поднимается злость. – Я был ребёнком. Мне всё объяснили.

– Вам объяснили то, что было удобно, – ответил он. – А правда осталась в доме.

Я резко захлопнул папку.

– Нам пора.

Мужчина не стал нас останавливать.

– Вы всё равно вернётесь, – сказал он нам вслед. – Все возвращаются.

Мы вышли на улицу почти бегом. Воздух показался слишком холодным, будто ночь стала другой.

– Артём... – начал Максим. – Ты в порядке?

Я не ответил. В голове звучала только одна мысль: если он прав – значит, вся моя жизнь построена на лжи.

Я оглянулся. Окно кабинета всё ещё светило. И мне показалось, что за стеклом кто-то стоял и смотрел мне вслед.

Я вернулся домой ближе к трём.

Город уже почти уснул. Дворы были пустыми, окна в соседних домах погасли одно за другим, и только редкие фонари оставляли на асфальте бледные жёлтые пятна света. Я поднялся по лестнице медленно, чувствуя странную тяжесть в ногах — будто весь вечер продолжал тянуться за мной.

Квартира встретила тишиной.

Плотной, глухой тишиной, которая иногда появляется ночью, когда вокруг нет ни голосов, ни шагов, ни даже звуков телевизора у соседей. Казалось, будто воздух внутри стал тяжелее.

Я не стал включать свет в коридоре.

Просто прошёл внутрь почти на ощупь, ориентируясь по знакомым силуэтам мебели. Пальцы скользнули по стене, на секунду задержались на выключателе — но я всё же не нажал его.

Не хотелось света.

Я машинально снял кофту и бросил её на спинку стула. Ткань мягко скользнула вниз, почти бесшумно.

Телефон завибрировал в кармане.

Звук показался неожиданно громким в этой тишине.

Я достал его.

Сообщение от Максима.

«Это было стрёмно, брат. Созвонимся утром».

Я несколько секунд смотрел на экран.

Пальцы зависли над клавиатурой.

Но я так ничего и не написал.

Экран погас, оставив меня снова наедине с тишиной квартиры.

В голове всё ещё стоял запах того кабинета.

Пыль.

Старая бумага.

И что-то металлическое — как будто где-то рядом лежали старые ключи или ржавые инструменты.

Этот запах будто въелся в память.

Я прошёл в комнату и остановился у окна.

Ночной двор выглядел пустым. Лёгкий ветер шевелил ветки деревьев, и их тени медленно двигались по асфальту. Где-то далеко проехала машина.

Я смотрел на своё отражение в стекле.

Сначала оно казалось обычным.

Но через несколько секунд появилось странное ощущение, будто я смотрю не на себя.

Лицо было знакомым — и в то же время немного чужим. Уставшим. Бледным.

Я отвёл взгляд.

Внутри вдруг возникло странное беспокойство.

Я не стал даже нормально раздеваться.

Просто лёг на кровать, стянув кроссовки и бросив их на пол.

Как будто если я задержусь хоть на минуту дольше — что-то успеет догнать меня.

Мысли ещё какое-то время крутились в голове, обрывками возвращаясь к сегодняшнему дню.

К кабинету.

К словам.

К тому, что мы нашли.

Потом всё резко оборвалось.

Сон накрыл меня почти мгновенно.

Я стоял у ворот.

Они были распахнуты настежь.

Я замер на месте.

Потому что точно помнил — всегда держал их закрытыми.

Дом стоял передо мной такой же, каким я видел его в детстве.

Те же окна.

Та же крыша.

Та же узкая дорожка, ведущая к крыльцу.

Но что-то было не так.

Он выглядел... слишком правильным.

Слишком целым.

Будто время здесь не прошло ни одного дня.

Я сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

Доски ворот тихо скрипнули от ветра.

Я вошёл во двор.

В доме было холодно.

Холоднее, чем должно быть.

Воздух словно кусал кожу, а каждый вдох превращался в белый пар.

Я остановился на пороге.

Сердце билось слишком громко.

— Мам? — позвал я.

Мой голос прозвучал странно глухо.

Словно стены поглотили его.

Ответа не было.

Я сделал шаг внутрь.

Пол под ногами скрипнул.

Звук эхом разошёлся по дому — так громко, что на секунду показалось, будто кто-то ответил мне такими же шагами из другой комнаты.

Я замер.

Слушая.

Тишина.

Но потом я заметил свет.

Он горел на кухне.

Жёлтый, мягкий, как будто лампа была включена уже давно.

Я медленно пошёл туда.

Каждый шаг отдавался в пустых комнатах.

Когда я остановился в дверях кухни, я увидел её.

Она сидела за столом.

Спиной ко мне.

Точно так же, как я помнил.

Тёмные волосы, собранные в хвост.

Тонкие плечи.

Она не двигалась.

Совсем.

— Мам... — прошептал я.

Она медленно повернула голову.

И в этот момент я понял, что что-то не так.

Лицо было моим.

Моё детское лицо.

Те же черты.

Те же глаза.

Только они были пустыми.

Совершенно пустыми.

— Ты так и не ушёл, — сказал он её голосом.

Лампочка над столом резко погасла.

Темнота накрыла кухню мгновенно.

Я попытался сделать шаг назад — но не смог.

Что-то холодное сомкнулось на моих запястьях.

Пальцы.

Ледяные.

Сильные.

— Дом не любит, когда его бросают.

Пол внезапно ушёл из-под ног.

Я проснулся с резким вдохом.

Грудь судорожно поднялась.

Сердце билось так быстро, будто я только что пробежал несколько километров.

Глава 4

Отец сидел за кухонным столом, когда я вышла из комнаты.

Как всегда – уже собранный, мыслями где-то вне этой квартиры. На нём был аккуратный костюм, телефон лежал рядом, экран загорался каждые несколько секунд, словно следя за временем.

– Доброе утро, – сказал он, не поднимая глаз.

Я наливала себе воды, стараясь не смотреть на него слишком долго. Разговаривать с отцом не было никакого желания – его присутствие всегда одновременно успокаивало и напрягало.

– У тебя сегодня занятия, – продолжил он. – Не опаздывай.

Это прозвучало не как просьба – как указание, которое не предполагает отказа.

– Я знаю, – ответила я тихо.

Он наконец посмотрел на меня внимательнее.

– Ты выглядишь уставшей.

Ты даже не представляешь, насколько, подумала я, но вслух сказала:

– Нормально.

Отец кивнул, будто получил нужный отчёт.

– Этот факультет – временно, – сказал он. – Но даже временные вещи нужно делать хорошо.

Я почувствовала странную тяжесть в груди. Временные вещи... Иногда они ощущались важнее всего.

– А если я не хочу быть там вообще? – спросила я неожиданно даже для себя.

Он помолчал секунду.

– Хотеть и нужно – разные вещи, Лина.

На этом разговор закончился. Я вышла из квартиры с ощущением, что ночь всё ещё тянется за мной следом. Дом из сна не отпускал. И почему-то я точно знала: сегодня в университете будет не так спокойно, как должно.

Первая пара началась тяжело. Аудитория была почти полной. Кто-то опоздал и возился с дверью, кто-то громко шептался. Преподаватель стоял у доски с недовольным выражением лица – таким, какое бывает у людей, которым жарко, шумно и явно не до студентов.

Он открыл журнал.

– Так, начнём с посещаемости, – сказал он и поправил очки. Преподаватель стал перечислять фамилии студентов, отмечая их присутствие в журнале. К моему удивлению, сегодня были все, практически все.

– Ратников Артём.

Ответа не последовало.

– Её нет? – преподаватель поднял голову. – Очень интересно.

По аудитории прошёл лёгкий гул. Я чувствовала, как на меня бросают косые взгляды.

– Она перевелась в конце семестра, – продолжил преподаватель, – и уже считает нормальным не посещать занятия?

Я почувствовала, как внутри всё напряглось.

– Напоминаю, что пропуски – не лучший способ начать обучение, – добавил он.

Я поймала себя на том, что слушаю слишком внимательно. И тут же разозлилась на себя. Он тебе никто.

Первая пара тянулась бесконечно. Вторая прошла не лучше. К концу пары я чувствовала себя выжатой, словно из меня выжали каждый грамм энергии.

– Его опять нет, – заметила Ангелина, бросив взгляд на пустое место рядом.

– Может, ещё появится, – сказала я, сама не понимая зачем. Мысли будто норовили улететь к нему, к Артёму.

На третью пару мы поднимались по лестнице – усталые, шумные, уже мыслями дома. Навстречу спускалась компания парней, громко смеялась, кто-то переписывался на ходу.

Я постаралась прижаться к перилам, но один из них задел меня плечом. Я едва удержалась на ногах.

– Осторожнее, – сказала я резко, обернувшись.

– Да нормально всё, – бросил он через плечо, не извиняясь.

Ангелина остановилась.

– Нормально – это извиниться, – сказала она, сжав зубы.

Парень развернулся.

– Ты чего завелась?

– Потому что ты хам, – спокойно ответила она.

Разговор мгновенно стал неприятным. Кто-то из его друзей хмыкнул, кто-то начал подначивать.

– Девочки, проще надо быть, – усмехнулся один из них.

– Парни, аккуратнее надо быть, – раздался голос сбоку.

Я обернулась. Артём стоял чуть выше, держась за перила. Он выглядел усталым, но в его взгляде было что-то жёсткое.

– Ты кто такой? – спросил один из парней.

– Тот, кто не любит лишний шум, – ответил Артём. Он не повышал голос. Просто смотрел.

Повисла пауза.

– Пошли, – буркнул кто-то из компании.

Парни ушли, оставив нас в тишине лестничной клетки.

– Спасибо, – сказала я искренне, не скрывая облегчения.

– Не за что, – бросил он, не оборачиваясь.

На паре он появился в самом начале. Преподаватель только сухо кивнул и продолжил лекцию, будто ничего не произошло.

После занятий мы с Ангелиной вышли на улицу.

– Он странный, – сказала она тихо. – Но вовремя оказался рядом.

– Да, – ответила я, не зная, что сказать ещё.

– Поехали ко мне, – сказала подруга и глянула в мою сторону. Мы часто устраивали такие посиделки друг у друга – так называемая терапия. Можно было забыть про все проблемы и просто жить.

Мы доехали до Ангелины уже под вечер. Её квартира всегда казалась шумнее, чем моя: даже когда было тихо, здесь будто что-то жило своей жизнью.

Мы скинули обувь в коридоре, включили свет на кухне, и Ангелина сразу полезла в холодильник.

– У меня есть макароны, сыр и... – заглянула она внутрь, – загадка под названием «что это и когда оно появилось».

– Отлично, – рассмеялась я. – Давай без загадок.

Мы готовили вместе, толкаясь локтями, обсуждая всё подряд. Ангелина рассказывала последние сплетни, я жаловалась на преподавателей и сессию. Потом долго сидели на кухне с чаем, уже остывшим, перебирали старые фото в её телефоне, смеялись громко и без причины.

Ближе к ночи перебрались в комнату. Я устроилась на диване, Ангелина – на кровати. Свет погасили не сразу – ещё долго переговаривались вполголоса.

– Странный он, всё-таки, – сказала Ангелина вдруг. – Этот твой Артём.

– Он не мой, – автоматически ответила я.

– Пока, – хмыкнула она.

Я не стала спорить.

Ночью я проснулась от звука телефона. Экран на тумбочке Ангелины светился.

– Да... – пробормотала она сонно. – Алло.

Я повернулась на бок, пытаясь снова уснуть.

– В пятницу? – переспросила она, зевая. – На дачу?

Пауза.

– Ну... давай, – тихо засмеялась она. – С друзьями? Окей.

Она прикрыла микрофон ладонью и присела на кровати, чтобы видеть меня.

– Лин, – прошептала она. – В пятницу едем на дачу. Ты со мной.

– Что?.. – я едва соображала.

– Потом объясню.

Разговор закончился так же внезапно, как начался. Мы снова уснули.

Утром меня разбудил будильник. Ангелина была в душе. Я лежала, глядя в потолок, и пыталась понять, что это была за дача и откуда она вообще взялась.

Ангелина вышла из ванной, завернувшись в полотенце и разговаривая по телефону.

– Доброе утро, – бросила она мне и тут же продолжила: – Да, конечно. Я возьму с собой Линку. Без неё не пойду.

Она подмигнула мне и скрылась в комнате.

Я пошла в ванную, привела себя в порядок, а когда вышла, на кухне уже пахло тостами и кофе.

– Значит так, – начала Ангелина, ставя тарелки. – В пятницу едем на дачу. Мой парень, его друзья. Ничего криминального, обещаю.

– Геля, – вздохнула я. – У меня сессия.

– У тебя мозги закипят, если всё время будешь дома. Поедем, отдохнём, вернёмся – и ты всё сдашь.

Я помолчала.

– Ладно, – сдалась я. – Но только ненадолго.

– Обожаю тебя, – рассмеялась она.

В университете день прошёл быстро. Пары мелькали одна за другой, я делала заметки, отвечала на вопросы. Артём был на занятиях. Мы несколько раз встретились взглядами – случайно, мимолетно.

Он ничего не сказал.

Я тоже.

После последней пары мы с Ангелиной вышли на улицу.

– До завтра, – сказала она.

– До завтра.

Я шла домой и почему-то думала о завтрашнем дне. И о том, что иногда самые обычные планы могут изменить всё.

Глава 5

Я пришла домой уставшая и раздражённая — на день, на себя, на всё сразу. Сумку бросила на стул, кроссовки остались у порога, а пальцы машинально пытались распутать наушники, словно это могло хоть немного успокоить нервное напряжение. Папа сидел на кухне за столом: перед ним — ноутбук, разложенные бумаги, чашка давно остывшего кофе. Он быстро печатал, не отрывая взгляд от экрана, будто пытался сжать время в несколько секунд.

— Пап, — сказала я, остановившись в дверях. — Нам нужно поговорить.

Он поднял глаза, словно вынырнув из другого измерения.

— Что случилось?

— В пятницу я уезжаю на дачу. С Ангелиной. На выходные.
Он закрыл ноутбук. Не резко. Спокойно. И именно это спокойствие вдруг насторожило.
— Куда именно?
— К друзьям её парня. Просто отдохнуть.
Он сел, задумчиво потер переносицу.
— У тебя сессия.
— Я знаю. И всё успеваю.
— Лина, — сказал он тихо, — ты всегда уверена, что всё контролируешь.
— Потому что так и есть! — повысила я голос. — Я не прошу невозможного. Всего два

дня.

— К незнакомым людям — нет.
— Почему? — я сжала кулаки.
— Потому что я так сказал.
Я вздохнула. Это был тот самый момент, когда кажется, что весь мир против тебя.
— Мне девятнадцать лет! Ты не можешь всё решать за меня!
— Пока ты живёшь здесь, — холодно сказал он, — ты считаешься с моим мнением.
— Это нечестно!
— Разговор окончен.

Я ушла в комнату, хлопнув дверью. Села за стол, открыла тетрадь и уставилась в пустую страницу. Руки дрожали от злости и напряжения. Хотелось сбежать — не на дачу, не к друзьям. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Прошло несколько часов. Злость постепенно выгорела, оставив после себя усталость и тихую тревогу.

Дверь открылась без стука. Папа стоял у окна.

Мы долго молчали.

— Я был неправ, — наконец сказал он. — Не должен был так.

Я молча слушала.

— Можешь поехать. Но будь на связи. И осторожна.

Я кивнула, но внутри всё ещё оставалось чувство напряжения и ожидания чего-то неизвестного.

Он посмотрел на меня — в его взгляде была тяжёлая грусть, будто он думал о чём-то, о чём не мог сказать. Он вышел, так ничего больше и не сказав.

Я позвонила Ангелине.

— Всё, отпустили.

— Я знала! — радостно закричала она. — Завтра будет лучший уикенд.

После разговора я долго стояла в ванной, смывая усталость и тревогу. Тёплая вода стекала по спине, успокаивая дыхание, а волосы медленно расправлялись под пальцами. Всё делала неспешно, будто оттягивала ночь, пытаясь сохранить ощущение контроля.

Но папина грусть не давала покоя.

Когда в квартире стало тихо, я вышла в коридор. Ночью он казался длиннее и темнее. Я остановилась у родительской спальни, постучала.

Тишина.

Я толкнула дверь. Комната была пуста. Лунный свет ложился на кровать серебристой полосой. На покрывале лежали старые фотографии — явно только что вынутые из альбома.

Я подошла ближе. На одной — папа и мама совсем молодые, смеются возле какого-то моста. На обороте: «Лене — 19». Мамин почерк.

Я взяла другую фотографию. На ней был дом. Старый, деревянный, с резными наличниками. Он казался странным — слишком тёмные окна, будто внутри нет света, но кто-то всё

равно смотрит наружу. Перед домом стояли папа, мама и ещё какие-то люди. Лиц почти не разобрать — снимок слегка размыт.

Странное чувство шевельнулось внутри. Будто я держала в руках кусочек чужой жизни, истории, о которой мне никогда не рассказывали.

В коридоре послышались шаги.

— Лина? — папин голос.

Я аккуратно положила фотографии на место и вышла.

— Ты где был?

— По работе, — спокойно ответил он.

Он мельком взглянул в сторону спальни, но ничего не сказал.

Я ушла спать. Уснула почти сразу, но сон был тревожным.

Утро началось раньше будильника.

Я проснулась от мягкого серого света, который медленно просачивался сквозь шторы. Он был неярким, почти холодным — таким бывает только ранним утром, когда солнце ещё не поднялось над домами, но ночь уже отступает.

Несколько секунд я просто лежала, глядя в потолок. Сознание возвращалось медленно, словно кто-то аккуратно разворачивал передо мной новый день.

В квартире было тихо.

Такая тишина бывает только утром, когда город ещё не проснулся полностью. Где-то далеко проехала машина, за окном негромко щёлкнула дверь подъезда, но внутри квартиры стояла спокойная, немного пустая тишина.

Я моргнула и снова уставилась в потолок.

И почти сразу вспомнила вчерашний вечер.

Папин голос. Его усталое лицо. Фотографии на кровати.

Дом.

Я слегка нахмурилась, пытаюсь снова представить тот снимок. Старый деревянный дом, тёмные окна, размытые лица людей на переднем плане. Тогда это показалось странным, почти чужим, словно я случайно заглянула в чужую историю.

Но больше всего в памяти застрял папин взгляд.

Та странная тяжёлая грусть, которую он пытался скрыть.

Я перевернулась на бок и посмотрела на часы. До будильника оставалось ещё почти двадцать минут.

Спать уже не хотелось.

Я медленно села на кровати, потянулась и провела рукой по волосам. Они были растрёпаны после сна, немного спутаны. Комната выглядела так же, как всегда: стол у окна, стул с брошенной вчера одеждой, полка с книгами.

Ничего не изменилось.

И всё же внутри было ощущение, будто что-то слегка сдвинулось.

Я встала и тихо вышла из комнаты.

Пол под ногами был прохладным. Коридор встретил меня тем же утренним полумраком. Шторы на кухне пропускали тусклый свет, и всё вокруг казалось немного серым, словно день ещё только собирался начаться.

На кухне было тихо.

Папа уже ушёл.

Это было привычно — он всегда уходил рано, особенно когда было много работы. Но сегодня эта пустота ощущалась немного сильнее.

На столе стояла кружка и небольшая сложенная записка.

Я подошла ближе и взяла её.

«Хороших выходных. Будь осторожна.»

Его почерк был аккуратным, ровным, таким же спокойным, как и он сам. Каждая буква выведена чётко, без спешки.

Я провела пальцем по бумаге и неожиданно почувствовала лёгкий укол внутри груди.

Вчера мы поссорились.

Пусть и ненадолго.

Я положила записку обратно на стол и тихо выдохнула.

— Спасибо, пап... — пробормотала я почти шёпотом, хотя в квартире всё равно никого не было.

Я поставила чайник и включила кофемашину. Кухня постепенно наполнилась знакомыми утренними звуками: тихим шумом воды, лёгким потрескиванием тостера, мягким гулом техники.

Запах кофе быстро распространился по комнате.

Тёплый, немного горький, привычный.

Я достала хлеб, медленно нарезала его и положила ломтики в тостер. Всё делала неспешно, будто специально растягивала утро.

Когда кофе был готов, я села за стол и обхватила кружку ладонями.

Она была приятно тёплой.

Я сделала первый глоток и почти не почувствовала вкуса.

Мысли снова вернулись к фотографиям.

К дому.

К папиному взгляду.

Я пыталась понять, почему этот снимок так зацепил меня. В нём не было ничего особенного — просто старый дом и несколько людей.

Но ощущение было странное.

Будто этот дом каким-то образом связан со мной.

Я покачала головой, пытаюсь прогнать эту мысль.

— Глупости, — тихо сказала я самой себе.

В конце концов, это просто фотография.

Я допила кофе, съела тост почти автоматически и поднялась со стула.

День начинался.

И впереди были выходные.

Я прошла в ванную и включила душ. Горячая вода почти сразу наполнила маленькую комнату паром.

Когда струи воды коснулись плеч, я наконец почувствовала, как остатки сна окончательно исчезают.

Я закрыла глаза.

Горячая вода стекала по волосам, по спине, по рукам, и напряжение постепенно уходило.

Через несколько минут я уже чувствовала себя намного бодрее.

Когда я вернулась в комнату, утренний свет стал ярче. Небо за окном постепенно светлело.

Я открыла шкаф и задумалась на пару секунд.

В конце концов выбрала джинсы и свободный светлый свитер. Он был мягкий, немного растянутый на рукавах — один из самых удобных.

Я быстро оделась, высушила волосы и собрала их в хвост.

Потом проверила рюкзак.

Зарядка.

Наушники.

Косметичка.

Сменная одежда.
Тетрадь и ручка.
Я на секунду задержала тетрадь в руках.
Иногда мне действительно хотелось писать. Просто записывать мысли, идеи, случайные наблюдения.
Я положила её обратно в рюкзак.
— На всякий случай, — пробормотала я.
Перед выходом я остановилась у зеркала.
В отражении была обычная я.
Студентка.
Немного растрёпанные волосы.
Свободный свитер.
Рюкзак на плече.
Девушка, которая собирается провести выходные за городом с друзьями.
Ничего необычного.
И всё же...
Я прищурилась, пытаюсь понять, что именно кажется другим.
Может быть, вчерашний разговор.
Может быть, тот дом на фотографии.
Может быть, просто ощущение, что впереди что-то произойдёт.
Я тихо усмехнулась.
— Лина, ты слишком много думаешь.
Я закинула рюкзак на плечо, выключила свет в комнате и прошла в коридор.
Проверила окно.
Проверила газ.
Потом закрыла дверь и повернула ключ в замке.
В этот момент телефон завибрировал в кармане.
Я достала его.
Ангелина.
— Мы приехали, выходи! — её голос звучал слишком бодро для такого раннего утра.
Я невольно улыбнулась.
— Уже иду.
— Давай быстрее, а то Максим сказал, что если мы будем ждать ещё пять минут, он уедет без тебя.
— Он не уедет.
— Конечно не уедет, — рассмеялась она. — Но пугать тебя весело.
Я сбросила вызов и сунула телефон обратно в карман.
Быстро обулась, надела кроссовки и ещё раз глубоко вдохнула.
За дверью уже начинался новый день.
Я открыла дверь подъезда и вышла на улицу.
Свежий утренний воздух коснулся лица.
Я спустилась по ступенькам, сразу заметив знакомую машину у тротуара.
И, не зная почему, вдруг почувствовала лёгкое волнение.
Будто этот день действительно может изменить что-то.
Я захлопнула дверь подъезда и направилась к машине.
Совершенно не подозревая, что эти выходные окажутся совсем не такими, как я представляла.

Глава 6

Машина остановилась у моего подъезда коротким, нетерпеливым сигналом. Я вышла сразу.

— Ну ты что, собиралась до зимы? — засмеялась Ангелина, высовываясь из окна.

— Я уже здесь.

Я села сзади, положив рюкзак на колени.

— Максим, — представился водитель, коротко кивнув.

— Дима, — парень рядом снял наушники, улыбнулся. — Привет.

Мы тронулись. Город постепенно остался позади. Дома редели, вывески исчезали, воздух становился прозрачнее, смешиваясь с запахами леса и влажной земли.

— Ты притихла, — заметила Ангелина.

— Просто настраиваюсь.

— На что?

— На отдых, — улыбнулась я слабой улыбкой.

Дорога свернула в лес. Асфальт закончился, но гравийная тропа оказалась ровной. Деревья стояли высокими стенами, сквозь них пробивался мягкий вечерний свет.

— О, приехали! — крикнула девушка с короткими тёмными волосами, выбегая навстречу. — Я Полина!

— Катя, — улыбнулась светловолосая девушка, — а это мой парень, Илья.

— Здравствуйте, — тихо сказала я, чувствуя, как тревога постепенно растворяется в тёплом воздухе и уюте.

Дом оказался светлым, деревянным, с аккуратными пледами на диванах, свечами на подоконниках. Из открытых окон доносились смех и музыка.

Напряжение внутри меня постепенно спало. Всё казалось живым, настоящим, безопасным.

— Ну что, располагайтесь! — сказал Илья, указывая на стол, где уже стояла нарезка овощей, мясо, напитки. — Мы начали без вас.

Я медленно вдохнула аромат ужина, аромат свежего дерева, смешанного с запахом еды.

И тут фары автомобиля неожиданно осветили двор. Я напряглась.

— Кто? — спросила Полина.

— Да друг. Позже освободился, — ответил Максим.

Из темноты вышел человек. Шаг уверенный, спокойный. И моё сердце замерло.

— Артём... — выдохнула я почти шёпотом.

Он тоже нас увидел. На секунду взгляд стал внимательнее, словно оценивая пространство и людей вокруг.

— Вы знакомы? — нахмурился Максим.

— Учимся вместе, — спокойно ответил Артём.

Он сел за стол так, будто здесь всегда был. Держался уверенно, но не навязчиво.

Я понимала, что этот вечер уже изменил что-то в моём мире. Дом был уютным, музыка играла, девушки смеялись, но внутри меня всё стало слишком ясным: эти выходные будут не просто отдыхом.

Глава 7

Я не должен был ехать.

Эта мысль появилась ещё утром и почему-то не отпускала весь день. Она возникала снова и снова — тихо, настойчиво, будто кто-то внутри меня пытался предупредить.

Не то чтобы я не любил компании. Или шумные вечера.

Наоборот — иногда это было даже удобно. Люди расслабляются, становятся настоящими, перестают прятаться за привычными масками.

Но сегодня было другое ощущение.

Странное.

Будто стоит мне туда приехать — и что-то изменится.
Сдвинется.

А я не люблю, когда что-то сдвигается без моего контроля.

Вечером отец заглянул в кабинет. Он стоял в дверях, как обычно — спокойно, сдержанно, словно каждое его движение было продумано заранее.

— Ты сегодня занят? — спросил он.

Я оторвался от телефона и пожал плечами.

— Не особо.

Он кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

В его взгляде на секунду мелькнуло что-то странное — внимательное, почти изучающее. Но я не стал пытаться это расшифровывать. Мы давно научились не задавать друг другу лишних вопросов.

— Если поедешь к Максиму — будь на связи.

Ни просьбы. Ни приказа.

Просто фраза.

Я кивнул.

Это было разрешение.

Или проверка.

Я не стал уточнять.

До дачи я добирался уже в сумерках.

Город постепенно остался позади — сначала исчезли витрины магазинов, потом редкие фонари, потом последние дома. Дорога стала уже, темнее, тише.

Когда начался лес, я автоматически сбавил скорость.

Фары выхватывали из темноты влажные стволы деревьев. Они тянулись вверх, переплетаясь ветками, будто образуя над дорогой живой коридор.

Казалось, что лес медленно движется.

Приближается.

Я выключил музыку.

В голове и так было слишком шумно.

Я знал, что она там.

Максим сказал об этом днём — почти случайно, между делом.

— Ангелина приедет. И её подруга.

Подруга.

Лина.

Я тогда только кивнул.

Но после этого её имя почему-то осталось со мной на весь день.

Я пытался убедить себя, что это ничего не значит.

Мы просто учимся вместе.

Пересекаемся на парах.

Иногда спорим.

Иногда молчим.

Иногда ловим взгляды друг друга — и сразу делаем вид, что ничего не произошло.

Но правда была в другом.

Я слишком часто вспоминал её.

Слишком внимательно замечал, когда она смотрит на меня.

Слишком хорошо помнил выражение её лица, когда она смеётся.

И это раздражало.

Потому что я не привык думать о людях дольше, чем они того заслуживают.

Когда дом появился между деревьями, я сразу заметил огни гирлянды.

Тёплый жёлтый свет мягко рассыпался по веранде, освещая деревянные перила и старые ступени крыльца.

Откуда-то доносилась музыка.

Смех.

Голоса.

Дом выглядел живым.

Тёплым.

Как будто внутри всё дышало.

Я заглушил двигатель.

Несколько секунд просто сидел в машине.

Потом вышел.

И сразу увидел её.

Она стояла у веранды, чуть в стороне от остальных. Свет гирлянды падал на её лицо, делая глаза ярче, чем обычно.

Волосы были собраны небрежно — несколько прядей выбились и мягко касались щёк.

Она смеялась.

Свободно.

И в этот момент выглядела совсем другой.

Не такой, какой я привык видеть её в университете — сосредоточенной, иногда упрямой, иногда колючей.

Сейчас она была лёгкой.

Настоящей.

Потом она заметила меня.

Смех оборвался.

Её взгляд на секунду застыл.

Рядом с ней остановилась Ангелина.

Шок.

Это было видно сразу.

Максим нахмурился, переводя взгляд с меня на них.

— Вы знакомы?

Лина смотрела на меня так, будто пытается понять — совпадение это или нет.

Я спокойно подошёл ближе.

— Учимся вместе, — сказал я.

И сел за стол рядом с Ильёй.

Я потянулся к пачке чипсов. Пальцы сжали край упаковки, я вытащил несколько ломтиков и машинально закинул один в рот.

Но я чувствовал её взгляд.

Почти физически.

Тёплый.

Изучающий.

Когда я поднял глаза, она быстро отвела их — но слишком поздно.

Я всё равно успел заметить.

Интерес.

И что-то ещё.

Что-то гораздо опаснее.

Вечер продолжился, будто ничего особенного не произошло.

Полина рассказывала какую-то длинную историю про университетского преподавателя. Катя спорила с Димой о фильмах. Илья разливал напитки и постоянно шутил.

Максим сидел рядом с Ангелиной, обнимая её за плечи.

Музыка тихо играла из колонки на подоконнике.

Кто-то нарезал овощи.

Кто-то смеялся.

Обычный вечер.

Но для меня он уже не был обычным.

Потому что я всё время ощущал Лину.

Она сидела чуть поодаль.

Но я замечал каждое её движение.

Когда она смеялась — я слышал.

Когда поправляла волосы — видел.

Когда задумывалась — замечал, как меняется её лицо.

Иногда наши взгляды встречались.

И в такие моменты между нами будто исчезал стол, люди, музыка.

Оставалось только расстояние в несколько метров.

И напряжение.

Тихое.

Опасное

Ближе к ночи стало прохладно.

Тёплый вечер постепенно растворялся в темноте. Воздух становился свежим, и лёгкий ветерок, который днём почти не ощущался, теперь заставлял поёживаться. Кто-то первым заметил это и пошёл в дом за пледами. Через несколько минут несколько мягких одеял уже лежали на спинках стульев.

Кто-то перебрал с алкоголем и, смеясь, ушёл спать раньше остальных.

Кто-то просто устал после длинного дня.

Музыка стала тише.

Разговоры — реже.

Иногда между фразами повисали длинные паузы, в которых было слышно только тихий ветер и далёкий шелест леса.

Лина первой поднялась с места.

Она сделала это спокойно, без лишнего шума. Просто поставила стакан на стол и поднялась.

— Я устала, — сказала она негромко, ни на кого не глядя.

Её голос прозвучал спокойно, но окончательно.

Никто не стал её останавливать.

Она поправила волосы, коротко кивнула кому-то из девчонок и направилась к дому. Дверь тихо закрылась за её спиной.

Я сделал вид, что не заметил.

Продолжал сидеть, слушать разговор Максима и Ильи, кивал в нужных местах. Даже пару раз усмехнулся.

Но мысли уже были далеко.

Через десять минут я поднялся.

— Пойду воды возьму, — бросил я, хотя никто особо и не спрашивал.

Я прошёл в дом.

На кухне включил свет и подошёл к раковине, будто собирался налить себе воды. На самом деле просто не хотелось оставаться на улице.

Дом ночью был другим.

Днём он казался шумным и живым — со смехом, шагами, хлопающими дверями. Но ночью всё менялось.

Он становился тихим.

Тёплым.

Но тихим.

Скрип половиц казался громче, чем днём. Свет лампы — мягче. Даже запах дерева ощущался сильнее.

Я налил воду в стакан и сделал глоток.

И в этот момент услышал шаги.

Лёгкие.

Я слышал их раньше, чем увидел её.

Она вошла на кухню тихо, почти бесшумно.

На ней была большая серая толстовка — явно не её, слишком свободная. Рукава закрывали ладони. Волосы были распущены и слегка растрёпаны.

Без макияжа.

Сонная.

Настоящая.

Она остановилась в дверях и немного удивлённо посмотрела на меня.

— О, — тихо сказала она. — Я думала, все уже спят.

— Почти.

Она подошла к раковине, налила себе воды. Стакан тихо звякнул о край.

Я думал, она сразу уйдёт.

Но она не ушла.

Она повернулась, немного подумала — и села напротив меня.

Между нами оказался стол.

Слишком маленькое расстояние.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

— Ты не удивлён? — спросила она.

— Чему?

Она чуть наклонила голову.

— Что я здесь.

Я усмехнулся.

— А должен?

Она посмотрела на меня внимательнее.

Слишком внимательно.

Будто пыталась понять что-то, чего я сам не говорил.

— Ты будто всё заранее знаешь, — сказала она тихо.

Я покрутил стакан в руках.

— Это иллюзия.

Мы замолчали.

Но это было не неловкое молчание.

Оно тянулось медленно, спокойно, как тёплый воздух в комнате.

Я заметил, как она смотрит на мои руки, лежащие на столе.

Как её взгляд задерживается на пальцах.

На запястье.

Я слегка сжал ладонь.

Она заметила.

И не отвела глаз.

— Почему ты всё время смотришь так, будто собираешься что-то сказать? — спросила она вдруг.

Я поднял взгляд.

— Потому что собираюсь.

Она замерла.

Я встал со стула.

Медленно обошёл стол.

Каждый шаг казался громче, чем должен был.

Я остановился рядом.

Слишком близко.

Теперь я чувствовал её дыхание.

— Лина, — тихо произнёс я.

Её имя прозвучало иначе, чем обычно.

Медленнее.

Глубже.

Она не отступила.

Только подняла глаза.

И в них не было страха.

Только ожидание.

Я осторожно провёл пальцами по её запястью.

Сначала едва касаясь кожи.

Проверяя.

Кожа была тёплой.

Пульс — быстрым.

Она шумно вдохнула.

— Артём...

Я не понял, что это было.

Предупреждение.

Или просьба.

Но в этот момент я больше не хотел анализировать.

Я притянул её к себе.

Поцелуй получился не резким.

Глубоким.

Медленным.

Сначала осторожным, будто мы оба проверяли реальность.

Будто боялись сделать лишнее движение.

Но через секунду осторожность исчезла.

Её пальцы сжали ткань моей футболки.

Я провёл ладонью по её спине, притягивая ближе.

Мир сузился до нескольких сантиметров между нами.

Никакого леса.

Никакого дома.

Никаких людей.

Только она.

Её дыхание.

Её руки.

Когда мы отстранились, прошло всего несколько секунд..

И одновременно — целая вечность.

Она смотрела на меня так, будто только что шагнула куда-то без страховки.

— Это плохая идея, — прошептала она.
— Возможно.
Она покачала головой.
— Нам потом будет сложно.
Я провёл пальцами по её щеке.
— Мне уже сложно.
Она закрыла глаза на секунду.
Потом осторожно отступила.
Между нами снова появилось расстояние.
— Спокойной ночи, Артём.
Она сказала это тихо.
И вышла из кухни.
Я остался на месте.
Сердце билось слишком быстро.
Я сел на стул и медленно выдохнул.
Я знал только одно.
После этого поцелуя всё стало настоящим.
И назад уже не получится.

Глава 8

Ночь медленно растворялась в утреннем сумраке, когда я проснулась.
Сначала я даже не поняла, почему открыла глаза. В доме было тихо — слишком тихо для компании из восьми человек. Ни шагов, ни разговоров, ни музыки. Только редкий скрип дерева и лёгкий шелест ветра за окном.
Серый рассветный свет осторожно пробивался сквозь занавески, наполняя комнату мягким, холодным сиянием. Он ложился на пол, на стены, на спинку стула, где висела моя кофта.
Я несколько секунд просто лежала, глядя в потолок.
Воспоминания о вчерашней ночи возвращались постепенно.
Сначала — разговоры на веранде.
Потом — кухня.
Потом...
Я резко перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку.
Поцелуй.
Да, это точно было.
Сердце от этой мысли забилося быстрее.
Я села в кровати и осторожно посмотрела на часы. Было ещё очень рано. Дом явно спал.
Тишина казалась почти нереальной.
Я тихо встала, накинула кофту и подошла к окну.
Лес за домом выглядел совсем другим утром.
Ночью он был тёмным и глубоким, почти пугающим. А сейчас — спокойным, залитым мягким серебристым светом. Между деревьями стелился лёгкий туман, словно земля ещё не до конца проснулась.
Я провела пальцами по прохладному стеклу.
И вдруг заметила движение.
Силуэт.
Кто-то стоял у окна в гостиной.
Я вышла из комнаты почти бесшумно и спустилась по лестнице.
Это был Артём.
Он стоял у окна, опершись плечом о раму, и смотрел на лес так сосредоточенно, будто пытался увидеть там что-то важное.

На секунду мне показалось, что он даже не слышит моих шагов.

Но когда я остановилась рядом, он тихо сказал:

— Ты проснулась рано.

Я слегка улыбнулась.

— Не могла спать.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Его взгляд был спокойным, но в нём всё равно оставалось что-то внимательное, будто он постоянно анализирует окружающий мир.

— А ты? — спросила я.

Он усмехнулся.

— Тоже.

Пауза повисла между нами.

Она не была неловкой.

Скорее наоборот — тихой и тёплой.

— Ночь странная, — добавил он. — А кто-то слишком рано начинает день.

Я приподняла бровь.

— Кто?

Он сделал шаг ближе.

— Ты.

Я тихо рассмеялась.

— Просто я.

Он кивнул, будто этого объяснения было достаточно.

Мы вышли на веранду.

Холодный утренний воздух сразу коснулся лица. Он был свежим, прозрачным и пах лесом, влажной землёй и ещё чем-то очень чистым.

Я глубоко вдохнула.

Лес вокруг дома был укутан лёгким туманом. Между деревьями скользили первые солнечные лучи, окрашивая листья в мягкое золото.

Где-то вдалеке проснулась птица.

Потом ещё одна.

— Тут красиво, — сказала я тихо.

Я облокотилась на перила и посмотрела на просыпающийся лес.

— Как будто кто-то специально сделал такой рассвет.

Артём встал рядом.

Очень близко.

Я чувствовала тепло его плеча.

— Согласен, — сказал он.

Он смотрел не на лес.

На меня.

— Но не настолько красиво, чтобы не захотеть подвинуться ближе к тебе.

Я замерла.

Сердце предательски ускорилося.

— Ты всегда так флиртуешь? — спросила я, пытаясь звучать спокойно.

Он слегка наклонил голову.

— Нет.

Пауза.

Он наклонился ближе и тихо добавил:

— Только когда рядом кто-то, на кого стоит обращать внимание.

Я почувствовала, как щеки слегка нагреваются.

Чёрт.

Он это заметил.

Мы стояли плечом к плечу.

Ветер мягко трепал волосы. Несколько прядей выбились и коснулись моего лица.

Артём протянул руку и аккуратно убрал их.

Совершенно естественно.

Будто так и должно быть.

От этого жеста сердце забилося ещё быстрее.

— Ты всегда замечаешь такие мелочи? — спросила я.

— Мелочи?

Он чуть улыбнулся.

— Или то, что делает их заметными?

Я не сразу нашла ответ.

Иногда он говорил так, будто видел чуть больше, чем остальные.

— Иногда замечаю, — сказала я. — Иногда могу не заметить самое очевидное.

Мы замолчали.

Свет рассвета постепенно становился ярче.

Я смотрела на лес, но краем глаза всё равно чувствовала его рядом.

Тепло.

Спокойствие.

И странное напряжение.

Тот самый момент, когда кажется — стоит сделать один шаг, и всё изменится.

— Пойдём внутрь, — наконец сказал он.

— Думаю, скоро кто-то начнёт искать завтрак.

Я рассмеялась.

— Это точно.

Дом постепенно просыпался.

Когда мы вернулись внутрь, на кухне уже была жизнь.

Полина стояла у плиты и что-то активно помешивала в сковороде.

Катя нарезала хлеб.

Илья открывал сок.

Максим сидел за столом и рассказывал Ангелине какую-то историю, активно размахивая руками.

— О, доброе утро! — сказала Полина.

— Вы уже проснулись?

— Не могли спать, — ответила я.

Запах кофе мгновенно наполнил кухню.

Тёплый.

Домашний.

Я взяла стакан воды и подошла к окну.

Через секунду рядом появился Артём с кружкой кофе.

Наши локти случайно соприкоснулись.

И я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Ты вчера был странным, — тихо сказала я.

Он посмотрел на меня.

— В хорошем смысле, — добавила я.

Он улыбнулся.

— Просто привык следить.

— За чем?
— За порядком.
Пауза.
— За людьми.
Его взгляд задержался на мне.
— И иногда за тобой.
Я удивлённо посмотрела на него.
— За мной?
— Да.
Он сделал глоток кофе.
— Просто не могу не смотреть.
На секунду я забыла, что сказать.
Молчание снова стало густым.
Тёплым.
Я заметила, как он чуть наклонился ко мне, чтобы лучше видеть лицо.
Его пальцы уверенно держали кружку.
Спокойно.
Уверенно.
— Иногда мне кажется, — тихо сказала я, — что мы живём в своей маленькой вселенной.
Он приподнял бровь.
— И в ней всё возможно.
Он улыбнулся.
— Тогда давай проверим.
Я не успела ничего ответить.
Его пальцы осторожно коснулись моего запястья.
Тёплые.
Медленные.
Сердце ударило сильнее.
— Артём...
Я сама не поняла, что вложила в это слово.
Предупреждение?
Или ожидание?
Он ничего не сказал.
Просто притянул меня к себе.
Поцелуй был медленным.
Глубоким.
Не таким, как ночью.
Не осторожным.
Настоящим.
Его руки обвили мою талию, пальцы слегка сжали ткань кофты.
Мир снова сузился. Только его дыхание. Только его руки. Только этот момент.
И вдруг из кухни донёсся тихий свист.
— О-о-о...
Максим выглянул из дверного проёма.
— Утро начинается жарко, да?
Я резко отстранилась и рассмеялась, чувствуя, как лицо становится горячим.
Артём тоже улыбнулся, хотя выглядел удивительно спокойным.
— Всё нормально, — сказал он.
— Просто утренний эксперимент.

— Эксперимент, — повторила я, смеясь. — Очень убедительный.

— Лина! — крикнула Ангелина из кухни.

— Полина ждёт! Давай, не задерживайся!

Я кивнула.

Но уходить сразу не хотелось.

Мы ещё несколько секунд смотрели друг на друга.

Тихо.

Будто запоминая этот момент.

— Доброе утро, — прошептала я.

Он улыбнулся.

Я повернулась и пошла к друзьям.

На кухне уже кипела жизнь.

Полина раздавала тосты.

Катя спорила с Ильёй.

Максим продолжал ухмыляться.

— Лина! — сказала Полина. — Иди сюда, помоги!

Я подошла к столу.

Но всё равно чувствовала его взгляд.

Иногда такие моменты меняют что-то очень важное.

И я уже знала — этот рассвет мы оба запомним.

Я несколько секунд стоял у окна, держа в руках кружку с горячим кофе, и смотрел, как Лина медленно отходит от дома к друзьям. Утренний свет мягко ложился на двор, пробиваясь сквозь ветви деревьев. Лес ещё не до конца проснулся: воздух был прохладный, чуть влажный, пах смолой, травой и свежестью после ночи.

Лина шла неторопливо, будто не спешила начинать день. Её волосы были слегка растрёпаны после сна и ночных разговоров — несколько прядей выбились и падали на плечи. Она время от времени заправляла их за ухо, и этот жест казался таким простым и естественным, что я поймал себя на том, что слишком внимательно за этим наблюдаю.

Её движения были лёгкими, непринуждёнными. Плечо чуть приподнято — то ли привычка, то ли просто игра света и тени. Я не был уверен. Но почему-то именно эта мелочь зацепила взгляд.

Она подошла к столу во дворе, где уже сидели Полина и Катя, и почти сразу раздался их смех. Лина что-то сказала, наклонилась к ним, и они втроём заговорили одновременно, перебивая друг друга.

Я сделал глоток кофе.

Он уже немного остыл.

— Ну, что там с утренним экспериментом? — спросил Макс, как только я вошёл обратно на кухню.

Я поставил кружку на стол и спокойно пожал плечами.

— Я не вмешиваюсь в утренние ритуалы.

Голос звучал ровно, хотя внутри всё ещё странно отдавалось воспоминание о том коротком поцелуе. Слишком неожиданном. Слишком... настоящим.

— Да брось, — засмеялся Илья, отставляя свою чашку. — Ты что, весь вечер в себе сидел и философствовал?

Он выглядел так, будто уже успел полностью проснуться и теперь был готов к любым приключениям.

— Возможно, — усмехнулся я. — Или просто наблюдал.

Максим поднял бровь и ухмыльнулся.

— За кем?

Я посмотрел на него, но ничего не ответил.

Иногда молчание говорит больше слов.

И, судя по выражению лиц, они всё поняли и без пояснений.

— Ааа, понятно, — протянул Илья с довольной улыбкой.

— Ладно, забудем, — махнул он рукой через секунду. — Нам сегодня вообще-то нужно спланировать день. Кто идёт к озеру, кто остаётся у дома, кто...

Он слегка толкнул меня плечом.

— ...кто просто будет болтать и наблюдать.

Я уселся поудобнее на стуле, вытянув ноги под столом. Деревянный пол приятно поскрипывал под шагами, кухня постепенно наполнялась шумом.

Дом просыпался.

Запах кофе смешивался с ароматом свежей выпечки. На плите что-то тихо шипело, тостер щёлкнул, выпуская румяный хлеб. Солнечный свет проникал через большие окна и ложился золотыми полосами на стол.

С улицы доносились голоса девчонок.

Смех.

Чей-то быстрый шаг по веранде.

— Думаю, сначала разведка территории, — сказал Максим, задумчиво покрутив кружку в руках. — А потом уже озеро.

Он посмотрел на нас и добавил:

— Но я голосую за то, чтобы кто-то был на кухне. Потому что без кофе и тостов этот дом развалится.

— Согласен, — тут же кивнул Илья. — Девчонки с утра уже как буря.

Я невольно усмехнулся.

Мой взгляд снова скользнул в сторону окна.

Лина стояла у стола во дворе. Она что-то рассказывала Полине, активно жестикулируя. Катя смеялась так громко, что даже отсюда было слышно.

Лина взяла нож, начала аккуратно нарезать хлеб, а потом вдруг остановилась, что-то сказала — и все трое снова рассмеялись.

Каждое её движение выглядело таким естественным, будто она всегда была частью этого места.

Будто этот дом, лес, утро — всё это было для неё привычным.

И почему-то от этой мысли внутри меня что-то слегка дрогнуло.

Она здесь.

И из-за этого весь день кажется другим.

— Ну и кто идёт первым к озеру? — спросил Максим, ставя кружку на стол.

— Я могу, — тихо сказал я.

Я всё ещё смотрел в окно.

В этот момент Лина почувствовала взгляд и слегка повернула голову.

Наши глаза встретились.

На секунду.

Она чуть прищурилась от солнца.

А потом улыбнулась.

Её щёки были слегка розовыми — от прохладного воздуха или от смеха, я не понял.

— Но только после того, как все позавтракают, — добавил я спокойно.

— Отлично, — сказал Илья. — Тогда мы как настоящая разведка.

Он поднял палец, будто объявлял официальный план.

— План действий: сначала кофе. Потом озеро. Потом...

Он развёл руками.

— Кто знает?

Максим рассмеялся.

— Кто знает, кто знает.

Главное, чтобы Лина не убежала раньше времени.

Я снова посмотрел на неё.

Теперь она стояла ближе к дому, держа тарелку с тостами. Полина что-то говорила ей на ухо, и Лина тихо рассмеялась.

Этот смех был мягким, лёгким.

И почему-то цеплял сильнее, чем должен был.

Я поймал себя на том, что не просто наблюдаю.

Я запоминаю.

Её взгляд.

Её движения.

То, как она живёт этим утром.

— Ладно, — сказал я, делая глоток кофе. — С утра дружеский вайб.

Я обвёл рукой кухню.

— Девушки готовят завтрак. Мы строим планы. Шутим.

Я чуть усмехнулся.

— День начинается идеально.

— И кто первым к озеру? — снова спросил Максим, подмигнув.

— Я, — повторил я.

И в этот момент Лина рассмеялась.

Она стояла у двери кухни и смотрела прямо на меня через стол.

Её смех мягко перекликался с утренним шумом дома — со звоном посуды, голосами друзей, шорохом ветра за окнами.

Я откинулся на спинку стула.

И вдруг отчётливо почувствовал:

день только начинается.

Но всё, что происходило вокруг — шум кухни, запах кофе, тёплый деревянный дом, утренний лес, её улыбка — складывалось в странное ощущение.

Будто этот день уже отличается от всех остальных.

И почему-то я был уверен:

он ещё покажет, чем именно.

Глава 9

Я наблюдал за Линой через весь стол.

Она сидела рядом с Димой и Полиной, слегка наклонившись вперёд, положив локти на столешницу. Солнечный свет из большого окна падал на её волосы, делая их почти золотыми. Она смеялась — тихо, искренне, иногда прикрывая рот рукой, и в такие моменты на её щеках появлялись едва заметные ямочки.

Я поймал себя на том, что слишком долго смотрю.

Сердце на мгновение неприятно сжалось. Лёгкое чувство ревности, почти глупое и необоснованное. Я понимал это, но всё равно не мог полностью от него избавиться.

Она что-то объясняла Полине — кажется, помогала придумать очередной тост для вечернего костра. Иногда Лина поворачивалась к Диме, что-то говорила ему, и они смеялись вместе.

Я следил за каждым её движением.

За тем, как она убирает прядь волос за ухо.

Как немного наклоняет голову, когда внимательно слушает.

Как её пальцы легко постукивают по столу.

Странное ощущение — будто я стою где-то на границе. Между спокойствием и чем-то гораздо более глубоким. Между дружбой и тем, что я пока не решался назвать.

— Ну что, — вдруг сказал Максим, встряхивая кружку с кофе, — план дня, парни?

Его голос вырвал меня из мыслей.

— Озеро, — сразу отозвался Илья и усмехнулся. — А кто хочет, может ещё и гонки устроить по тропинкам.

— Гонки? — фыркнул Максим. — Ты опять проиграешь.

— Это мы ещё посмотрим.

Мы рассмеялись.

Я сделал глоток кофе. Напиток был немного горьким, но приятно горячим. Это помогло отвлечься от странного раздражения, которое я мысленно сразу же назвал незначительным.

Не стоило придавать этому значение.

— Ладно, — сказал я, отставляя кружку. — После завтрака разведка территории.

Лина, кажется, даже не заметила моего взгляда. Она продолжала разговаривать с Полиной, оживлённо жестикулируя.

Через несколько минут девушки поднялись из-за стола.

— Мы немного прогуляемся, — сказала Ангелина.

— В лес? — спросил Максим.

— Конечно. Тут красиво.

Лина кивнула и улыбнулась.

— Хочу сделать пару фотографий.

Они вышли на улицу, и я проводил взглядом её фигуру.

Она шла легко, почти невесомо. Словно каждый её шаг был частью какого-то собственного ритма. Даже просто уходя по тропинке между деревьями, она выглядела... свободной.

Я поймал себя на том, что продолжаю смотреть, пока она не исчезла среди сосен.

— Ну что, ребята, — хлопнул в ладони Максим, — озеро ждёт.

— Давайте! — поддержал Илья. — Сегодня ведём себя как маленькие дети.

— Это у тебя получается лучше всех, — усмехнулся я.

Мы выскочили из дома почти одновременно.

Воздух на улице оказался прохладным и свежим. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы пробиваться сквозь листву, оставляя на земле светлые пятна.

Тропинка к озеру была узкой, извилистой и местами влажной после ночной росы.

— Последний — покупает ужин! — крикнул Илья и сорвался с места.

— Ах ты... — Максим бросился за ним.

Я не удержался и тоже побежал.

Мы смеялись, толкались плечами, перепрыгивали через корни деревьев. В какой-то момент Максим поскользнулся и едва не упал, а Илья громко расхохотался.

Лес вокруг наполнялся нашими голосами.

Иногда казалось, что деревья даже возвращают этот смех обратно эхом.

Когда мы наконец добрались до озера, вода сверкала под солнцем, словно огромное зеркало.

— Красота... — выдохнул Максим.

Но уже через секунду Илья с разбега прыгнул в воду.

— Идиот! — крикнул Максим.

— Вода холодная! — донеслось в ответ.

Мы всё равно полезли следом.

Плеск воды, крики, шутки — всё смешалось в одно большое, шумное веселье. Мы соревновались, кто быстрее доплывёт до старого поваленного дерева, кто дальше прыгнет с камня, кто сможет дольше продержаться в холодной воде.

В какой-то момент я поймал себя на том, что смеюсь так же громко, как Илья.
Иногда действительно полезно просто забыть обо всём.
Без правил.
Без мыслей.
Просто жить этим моментом.
Когда мы вернулись к дому, солнце уже стояло высоко. Одежда частично высохла на ходу, но волосы всё ещё были мокрыми.
Я первым открыл дверь.
В доме было тихо.
Слишком тихо.
— Лина где? — спросил я, оглядывая комнату.
Ангелина, сидевшая на диване, подняла голову.
— Она сказала, что хочет сделать фото... — ответила она.
— Но уже прошло довольно много времени.
Сердце неприятно сжалось.
Я посмотрел на часы.
Прошло действительно больше времени, чем нужно для обычной прогулки.
В комнате повисла короткая пауза.
Секунды словно начали растягиваться.
За окном тихо шелестел ветер, раскачивая ветви деревьев.
— Похоже, нам стоит проверить лес, — сказал Максим.
Его голос прозвучал спокойно, но я заметил, что он тоже напрягся.
— Да, — кивнул я. — Она могла поскользнуться или просто сбиться с тропинки.
Мы быстро надели куртки и вышли наружу.
Лес теперь выглядел иначе.
Солнечный свет всё ещё пробивался сквозь ветви, но между деревьями было больше тени. Тропинки казались темнее и глубже.
Каждый шорох заставлял прислушиваться.
— Лина! — позвал я.
Мой голос разнёсся между деревьями.
Но ответа не было.
Только лёгкий шелест листвы.
— Может, сюда? — сказал Илья, указывая на узкую тропинку, уходящую вниз по склону.
Мы пошли по ней.
С каждым шагом тревога внутри становилась сильнее.
И вдруг я заметил движение.
Чуть ниже по склону.
— Там!
Я побежал.
Лина сидела в небольшом овраге. Она опиралась рукой на землю и слегка согнулась, придерживая ногу.
— Лина!
Она подняла голову.
И попыталась улыбнуться.
— Я... поскользнулась, — сказала она тихо. — Просто хотела сделать фото.
Я осторожно протянул ей руку.
— Давай помогу.
Максим и Илья уже спускались к нам.
Мы аккуратно поднимали её на ноги.

Она слегка поморщилась, когда наступила на ногу, но удержалась.

— Всё нормально, — сказала она. — Правда. Просто немного... неловко получилось.

Я кивнул.

Тревога постепенно начала отступать.

Но внутри всё равно осталось странное напряжение.

Слишком долгие минуты ожидания.

Слишком тихий лес.

Мы медленно пошли обратно к дому.

И только когда впереди показалась крыша, я окончательно выдохнул.

— Спасибо, что пошли за мной, — тихо сказала Лина.

— Не за что, — ответил я. — Главное, что ты цела.

Но почему-то мне всё равно казалось, что сегодняшний день оставил после себя что-то большее, чем просто случайное падение.

Словно лес...

запомнил нас.

Мы вернулись в дом медленно.

Лина старалась идти аккуратно, иногда слегка опираясь на мою руку. Она почти не хромала, но я всё равно замечал, как она осторожно переносит вес на другую ногу.

Внутри дома было тепло. Солнечный свет проникал через окна и ложился широкими золотыми полосами на деревянный пол.

Ангелина сразу поднялась нам навстречу.

— Ну что? — спросила она обеспокоенно. — Всё нормально?

— Да, — ответила Лина, стараясь говорить легко. — Просто немного поскользнулась.

— Немного? — Илья усмехнулся. — Мы нашли её почти на дне оврага.

— Илья, — сказал Максим, бросив на него взгляд.

— Ладно, ладно, молчу.

Лина тихо рассмеялась, но в этом смехе всё же чувствовалась усталость.

— Я правда в порядке, — повторила она. — Просто нога немного ноет.

— Садись, — сказал я и указал на диван.

Она послушно опустилась на мягкие подушки. Я заметил, как она осторожно вытянула ногу вперёд.

Полина уже принесла из кухни холодную бутылку воды.

— Вот, приложи.

— Спасибо.

Несколько минут все говорили одновременно. Кто-то шутил, кто-то пересказывал, как именно мы её нашли, кто-то обсуждал, насколько коварными могут быть лесные тропинки.

Постепенно напряжение начало растворяться.

Дом снова наполнился привычным шумом.

Но внутри меня всё ещё оставался странный осадок.

Я сел рядом с Линой на диван.

Она выглядела спокойной, но иногда её взгляд уходил куда-то в сторону окна, будто она вспоминала тот момент в лесу.

— Сильно болит? — тихо спросил я.

— Уже почти нет.

Она посмотрела на меня и слегка улыбнулась.

— Просто неловко получилось.

— Бывает.

Я заметил, как она осторожно вращает ступнёй, проверяя, насколько свободно двигается нога.

— Хочешь, я помогу с растяжкой? — предложил я.

Она слегка приподняла брови.

— Ты умеешь?

— Немного.

— Не нужно, — сказала она, но в её голосе не было отказа. Скорее мягкость.

Мы замолчали.

Иногда молчание бывает странным. Тяжёлым.

Но сейчас оно было другим.

Спокойным.

В комнате постепенно становилось тише. Полина вскоре задремала на кресле, положив голову на подлокотник. Катя ушла на кухню, что-то тихо гремело посудой. Ангелина вышла из душа с мокрыми волосами и устроилась в другом конце дивана, листая телефон.

Дом словно медленно переходил в вечерний ритм.

За окнами лес шуршал листвой. Ветер становился прохладнее, а солнечный свет уже начинал мягко тускнеть.

Лина сидела рядом со мной.

Иногда её плечо едва касалось моего, и я чувствовал это почти слишком отчётливо.

— Знаешь, — сказала она вдруг тихо, — иногда кажется, что лес хранит свои маленькие тайны.

Я повернул голову к окну.

Сосны стояли неподвижно, словно огромные тёмные силуэты.

— И сегодня ты чуть не стала одной из них, — сказал я с лёгкой усмешкой.

Она посмотрела на меня.

— Думаешь?

— Уверен.

Она тихо улыбнулась.

И в этот момент между нами возникло что-то почти неуловимое. Лёгкая нить понимания, которую невозможно объяснить словами.

Вечер постепенно переходил в ночь.

Снаружи темнело быстро. Сначала исчез золотой свет на деревьях, потом серые тени стали плотнее, а вскоре лес полностью растворился в темноте.

В доме зажгли лампы.

Тёплый свет мягко освещал стены, делая пространство уютным и почти камерным.

Но где-то внутри всё равно оставалась лёгкая тревога.

Неясная.

Почти незаметная.

Будто день ещё не закончился.

Позже, когда разговоры стали тише и большинство уже разошлось по комнатам, я вышел на веранду.

Ночной воздух оказался прохладным.

Я глубоко вдохнул.

Лес вокруг шептал. Листья тихо двигались под ветром, иногда где-то трещала ветка, и эти звуки казались громче, чем днём.

Я заметил Максима.

Он стоял у перил, опершись локтями и глядя куда-то в темноту.

Некоторое время он даже не замечал меня.

Я подошёл ближе.

Между нами возникла тишина.

Та самая, которая иногда весит больше любых слов.

Максим наконец повернул голову.
— Ты... переживаешь после той ночи? — спросил он тихо.
Я сразу понял, о чём он говорит.
О том странном мужчине.
О тех непонятных словах.
О том ощущении, которое осталось после той встречи.
— Я вот думаю об этом, — продолжил Максим. — Всё как-то... странно получилось.
Я немного помолчал.
Ночной ветер скользнул между нами.
— Я попросил помощи у отца, — наконец сказал я.
Максим выдохнул.
И даже слегка улыбнулся.
— Спасибо, Артём... за то, что наконец решил принять помощь.
— Не за что, — коротко ответил я.
Он кивнул и ушёл обратно в дом.
Дверь тихо закрылась.
Я остался один.
И только тогда почувствовал, как внутри всё слегка сжимается.
Потому что правда была другой.
Я не просил помощи у отца.
И не собирался.
Он не нужен мне.
Я не верю ему.
Не доверяю.
И не хочу его вмешательства.
Но я солгал Максиму.
Просто чтобы он мог спокойно отдыхать.
Чтобы не думал об этом.
Сам я разберусь.
Мне не нужна чужая помощь.
Я снова посмотрел на тёмный лес.
Мысли неожиданно вернулись к Лине.
К её улыбке.
К её голосу.
К тому моменту в овраге, когда она посмотрела на меня.
К её тихому «спасибо».
Она снова возникла в моих мыслях, и я понял, что не могу просто так отмахнуться от этого.
Пока она рядом...
её образ словно не отпускает.
Я стоял на веранде ещё несколько минут.
Слушал тишину ночи.
Шёпот ветра.
Собственное дыхание.
И только когда холод начал пробираться под одежду, я вернулся в дом.
Внутри было тихо.
Все уже спали.
Я медленно прошёл по коридору. Лампа на кухне всё ещё горела, отбрасывая мягкие тени на стены.

Я остановился на секунду.
Дом был спокойным.
Но внутри меня всё ещё не утихали мысли.
О сегодняшнем дне.
О лесе.
И о Лине.
Я понимал, что ночь уже почти закончила этот день.
Но для меня...
он всё ещё продолжался.

Глава 10

Ночь была тихой, почти осязаемой. Кажется, даже воздух в комнате спал вместе с домом. Я проснулась посреди сна с лёгким ощущением тревоги, когда мир казался странно замедленным. Сердце стучало ровнее, но с непривычной тяжестью, словно оно знало что-то, чего я ещё не понимала.

Я тихо встала с кровати, стараясь не разбудить остальных. Полумрак комнаты обволакивал меня мягким покрывалом, а луна скользила через окно, заливая плиту и стол серебристым светом. Всё вокруг спало, но я ощущала, что внутри меня день ещё не закончился. Внутри меня всё ещё кипели мысли, оставшиеся от дневных событий, от разговоров, от её взгляда.

— Странно, — пробормотала я себе под нос, наливая воду в кружку. — Лина... какая-то странная сегодня.

Сделав первый глоток, я замерла. Голоса леса за окнами, тихий шелест листвы, собственное дыхание — всё это казалось необычно громким ночью, как будто мир вокруг меня слышал и каждое движение усиливалось.

— Она не такая, какая есть, — продолжала я тихо, почти шепотом, будто кто-то мог услышать. — Мне она не нравится. Ведёт себя... ужасно...

И тогда раздался тихий голос позади. Я дернулась, обернулась и увидела Диму, прислонившегося к дверному косяку.

— Полина?

Я улыбнулась, но в глубине всё ещё оставалась лёгкая тревога.

— Дима... — прошептала я. — Не думала, что кто-то будет бодрствовать.

Он подошёл ближе, лёгким движением обнял меня за плечи. Его прикосновение было привычным, но именно сейчас оно приносило странное ощущение безопасности и покоя. Я тихо прислонилась к нему, чувствуя тепло его рук, мягкость плеч и уверенность, которая, казалось, растекалась по всей груди.

— Ты опять о Лине? — спросил он шёпотом, чтобы не разбудить остальных.

— Да... — я вздохнула, пытаясь собрать мысли. — Она странная. Сегодня весь день как будто что-то скрывала. Мне кажется, что она не такая, какая есть на самом деле.

Дима нахмурился, но это было не резко, скорее задумчиво. — Почему? Она ведь вроде новенькая в нашей компании. Ей просто нужно время.

Я отстранилась, слегка удивлённая. — Время? — переспросила я. — Но она ведёт себя так... будто хочет всё перевернуть с ног на голову.

— Полина, — сказал он мягко, — она только начала вписываться. Она ещё не привыкла к нам, к компании. И не спешит раскрывать всё сразу. Просто дай ей время.

Я задумалась. Его голос был ровный, спокойный, а слова казались настоящими, подлинными. Он говорил медленно, подбирая каждое слово, словно хотел, чтобы я услышала и поняла каждое. И правда, Лина ещё не успела влиться в компанию. Всё новое всегда кажется чужим, тревожным, даже угрожающим.

Я глубоко вдохнула, стараясь ощутить его слова не только ушами, но и сердцем.

— Ну... возможно, — сказала я, немного смягчившись. — Ещё надо время.

Дима улыбнулся, едва заметно, но достаточно, чтобы я почувствовала тепло его улыбки. Он тихо добавил: — Вот и всё, компромисс. Давай теперь спать. Завтра новый день, а мы оба заслужили отдых.

Я кивнула, чувствуя, как напряжение постепенно покидает плечи. Его руки всё ещё держали мои плечи, но мягко и осторожно. Я тихо улыбнулась, ощущая странное, но приятное чувство — чувство, что кто-то рядом понимает меня без слов.

— Хорошо... — сказала я тихо.

Он проводил меня взглядом, пока я возвращалась в свою комнату, а потом тихо ушёл в свою.

Я лёгла в кровать, ещё раз подумала о Лине. Она была странной, непредсказуемой, немного тревожной. Но внутри меня появилось понимание, что всему своё время.

Ночь снова погрузилась в тишину, но теперь она была иной — мягкой, спокойной. Словно мир вокруг — хоть и странный, непредсказуемый — всё же умеет управлять нашими мыслями, нашими чувствами и нашими снами.

Я закрыла глаза, ощущая лёгкую улыбку на губах. День ещё не закончился, мысли о Лине продолжали блуждать, но уже не тревожно. Теперь они были просто частью меня, частью этой ночи, которая, казалось, наблюдала за мной, охраняя и успокаивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.